

Е. В. УСТИНОВА

ОБРАЗЫ КВАРТАЛЬНЫХ НАДЗИРАТЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Детективную линию романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» обычно связывают с приставом следственных дел Порфирием Петровичем, двойником-антиподом Раскольникова, человеком, олицетворяющим собой государственное правосудие. Наблюдательность Порфирия, его блестящее логическое мышление, знание человеческой психологии, а также собственное «вольно-думное» прошлое позволяют ему сделать правильные выводы из увиденного и услышанного и обнаружить настоящего преступника. Однако не один Порфирий принял участие в поисках убийцы Алены Ивановны, не один Порфирий пролил свет на истинную сущность убеждений Раскольникова, и наконец, не Порфирий, а совершенно другой человек принял явку с повинной главного героя. В нашей статье мы намерены рассмотреть образы квартального надзирателя Никодима Фомича и его помощника, Ильи Петровича, сыгравших свою заметную роль в изобличении истинного убийцы старухи-процентщицы и раскрытии смысла теории «крови по совести» (6, 202).

С Ильей Петровичем и Никодимом Фомичом Раскольников впервые встречается, придя по повестке в контору на следующий день после убийства. В его присутствии они ведут разговор о вчерашнем преступлении. По делу арестованы Кох и Пестряков, обнаружившие трупы, но Никодим Фомич сомневается в их виновности и с «жаром» (6, 82) спорит об этом со своим помощником. Его описание предполагаемых действий преступника полностью совпадает с тем, как в действительности повел себя Раскольников, оказавшись за закрытой дверью.¹ Для Ильи Петровича сомнения его начальника получают немедленное подтверждение в обмороке Раскольникова, последовавшем непосредственно за их разговором. О том, что именно помощник квартального надзирателя первым заподозрил главного героя в причастности к убийству, мы узнаем благодаря Заметову:

¹ Любопытно, что у «сомневающегося» персонажа соответствующее отчество — Фомич.

«Илья Петрович — болван!» (6, 129) — думает он после разговора с Раскольниковым в трактире. Со слов Заметова об этом же пробалтывается пьяный Разумихин: «Главное, этот Илья Петрович! Он тогда воспользовался твоим обмороком в конторе, да и самому потом стыдно стало...» (6, 149). Своими подозрениями насчет главного героя поручик Порох делится с Никодимом Фомичом и Заметовым. Заметов, познакомившись на новоселье у Разумихина с Порфирием, сообщает следователю все, что ему известно о Раскольникове. Таким образом, процесс травли настоящего убийцы запускается Никодимом Фомичом, усомнившимся в виновности Коха и Пестрякова и Ильей Петровичем, обратившим внимание на странный обморок главного героя.

Явку Раскольникова с повинной также принимает Илья Петрович, случайно оказавшийся в конторе. По дороге Раскольников мучительно размышляет: «Нельзя ли к Никодиму Фомичу? (...) Нет, нет! К Пороху, к Пороху! Пить, так пить все разом...» (6, 406). Главный герой воспринимает квартального надзирателя и его помощника как антиподов, причем первому из них он хочет повиниться в содеянном уже на следующий день после убийства, второго ассоциирует с чашей бедствий, которую ему предстоит испить до конца, сознавшись в преступлении. Истоки подобного отношения следует искать в первой встрече Раскольникова с обоими персонажами, во многом объясняющей дальнейшую романную судьбу героя. Нервы преступника, пришедшего в контору по повестке и ожидающего немедленной развязки, напряжены до предела. В окружающей обстановке, в лицах людей он пытается найти подтверждение или опровержение своей догадки. К тому же герой невыносимо боится думать о вчерашнем: «Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем бы нибудь думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось» (6, 75—76). В этот момент появляется Илья Петрович, «помощник квартального надзирателя, с горизонтально торчавшими в обе стороны рыжеватыми усами и чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочем, особенного кроме мелкого нахальства не выражавшими» (6, 76). Его задевает облик Раскольникова, у которого «все еще не по костюму была осанка» (6, 76), и он бросает на него «молниеносный взгляд» (6, 76). Вообще на протяжении всего эпизода определения и сравнения, указывающие на «родство» поручика с огнем и молнией, встречаются 15 раз («горячий поручик» (6, 77), «вспыхнувший поручик» (6, 78), «поручик-порох» (6, 80), «нечто вроде грома и молнии» (6, 78), «опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган» (6, 79) и др.). Имя у героя-громовержца вполне символическое — Илья. Пророк Илия, о котором рассказывается в 3-й Книге Царств, вызвал огонь с неба и таким образом принес тельца в жертву Господу. В данной сцене в роли тельца оказывается Раскольников, принесенный в жертву поручикову гневу. Библейская семантика, правда, тут же искажается

упоминанием о том, что Порох набросился на Луизу Ивановну «всеми перунами» (6, 78) Перун — славянское божество войны, грома и молнии, покровитель воинов Илья Петрович хочет показать себя борцом за справедливость, однако за его гневными выкриками стоит лишь упоение своей мелкой властью Замечательно, что ранее главный герой также сравнивает себя с языческим громоверхим, правда иронически «миллионер будущий, Зевес, их (матери и сестры — Е У) судьбою располагающий» (6, 38) В конторе же его опускают с небес на землю, переводя в разряд «тварей дрожащих» (6, 322), над которыми он так мечтал восторжествовать

Выходит, что для Раскольникова встреча с Ильей Петровичем — первый круг ада, геенны огненной, однако эта встреча доставляет ему «невыразимое наслаждение» (6, 77) Он ищет исхода в борьбе, позволяющей отвлечься от сражения с призраками собственной души, направить свой гнев на реальных противников Это состояние вернется к нему ближе к развязке произведения «чём уединенное было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досягдающее () было что-то требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать „Нет, уж лучше бы какая-нибудь борьба! Лучше бы опять Порфирий или Свидригайлов Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение “» (6, 337) Раскольников выберет борьбу и в самый последний момент, уже на пороге наказания, испытывая отвращение к собственной покорности

Прочитав в конторской книге о взыскании денег, Раскольников в течение минуты испытывает «полную, непосредственную, чисто животную радость» Бурный разнос, устроенный Ильей Петровичем Луизе Ивановне, чрезвычайно развлекает его «Он слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать » (6, 78) Однако тут же автор отмечает «Все нервы его так и прыгали» (6, 78) Это нервный хохот, истерический хохот преступника, скрывшегося от преследования Во время этой сцены появляется Никодим Фомич, квартиральный надзиратель, «видный офицер с открытым свежим лицом и с превосходными густейшими белокурыми бакенами» (6, 79) И по внешности, и по поведению он является собой полную противоположность своему заместителю его любезное обращение смягчает гнев Ильи Петровича, а у Раскольникова вдруг вызывает желание «сказать им всем что-нибудь необыкновенно приятное» (6, 80) Стараясь установить контакт с окружающими, он пускается в пространный рассказ об обстоятельствах появления заемного письма Боль Раскольникова никуда не ушла, она просто ищет иной исход — в близости к людям, душевном общении с ними Хамство поручика Пороха на какое-то время обрывает и эту тонкую нить (до второй встречи с семейством Мармеладовых) «Мрачное ощущение мучительного, бесконечного

удединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его. Не низость его сердечных излияний перед Ильей Петровичем, не низость и поручикова торжества над ним перевернули вдруг так ему сердце (...) Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям в квартальной конторе, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно не-зачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни...» (6, 81—82). Это ощущение разъединения со всем живым оказывается настолько мучительным, что Раскольников едва не признается в содеянном Никодиму Фомичу. Выбор адресата признания не случаен: с этого момента и до самого конца романа Илья Петрович становится для «убивца» (6, 209) олицетворением несправедливости, грубости, бесчувственности,² Никодим Фомич — воплощением чуткости, добросердечия и справедливости, предвестием подлинно народного, не злорадного суда, того, которым много позже осудит «убийцу по совести» Соня. Это сближает героев с Порфирием Петровичем, с двумя сторонами его души, показанными в «Преступлении и наказании»: неутомимым и жестоким преследователем и человеком «с сердцем и совестью» (6, 345). Признаться в содеянном Раскольникову мешает обморок, и в этом проявляется его судьба: он еще не встретил Сонечку, а значит, умерев, уже никогда не воскреснет. Признание, продиктованное лишь страхом, не более чем фикция, поэтому автор проводит героя через многочисленные душевые мытарства, помогая ему прийти к истинному покаянию. Соня приводит героя к признанию собственной вины не путем страха, но путем любви.

Здесь будет уместно рассмотреть отношения Раскольникова с полицейской конторой вообще. Полицейские встречаются на его пути на протяжении всего романа и всякий раз не случайно. Каждая такая встреча происходит после какого-либо ключевого события. Самый первый из ряда подобных эпизодов — сцена с пьяной девочкой на бульваре. Раскольников думает о письме матери и чувствует, что его «проклятая мечта» (6, 50) «явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде» (6, 39). Девочка и преследующий ее франт отвлекают героя от мрачных мыслей. В поисках справедливости он обращается за помощью к городовому с «бравым солдатским лицом с седыми усами и бакенбардами и с толковым взглядом» (6, 41). Тот относится к жертве насилия с «искренним состраданием» (6, 41) и соглашается препроводить ее домой. И внешностью, и манерой поведения он чем-то неуловимо напоминает Никодима Фомича. Символична его фраза, повторенная

² Отсюда и его отчество, образованное от имени «Петр» — в переводе с греческого — «камень»

дважды: «Эх, разврат-то как ноне пошел!» (6, 42). Эти слова в полной мере можно отнести и к Раскольникову: его ум развращен, потому и не находит себе покоя.

На следующий день после убийства герой появляется в конторе. Это новая контора в новой жизни «убивца», наступившей после смерти старухи-процентщицы. Она встречает его неприветливо: «...духота (...) чрезвычайная», «крошечные и низенькие комнаты» (6, 75) напоминают могилы. Это преисподня, а не контора, отсюда герою предстоит начать свое восхождение наверх, здесь он впервые чувствует, что ему не хватает воздуха, здесь он впервые встречает своего карикатурного двойника — безымянного писца: «Это был какой-то особенно взъерошенный человек с неподвижною идеей во взгляде.

«„От этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно“,— подумал Раскольников» (6, 75).

На самом деле еще болезненнее, чем чужую злобу или чужое сострадание, идеолог «крови по совести» (6, 202) переживает чужое равнодушие. В Илье Петровиче и Заметове он видит полное безразличие к чувствам окружающих, в результате чего в течение долгого времени у него сохраняется восприятие конторы как предполагаемого места будущей казни, своеобразной Голгофы. Однако казенное правосудие в лице полицейских, встреченных Раскольниковым во время скитаний по петербургским улицам, ведет себя несколько иначе. Они скорее следуют примеру Никодима Фомича, постепенно убеждая героя в том, что контора — это не только пыточная для его непокорного духа, это действительно место, где он может освободиться от тяжкого душевного груза. Раскольникову не так-то просто примирить между собой два практически противоположных представления об одном и том же предмете, поэтому все попытки признания, предпринимаемые до исповеди Соне, сопровождаются злобной иронией с его стороны. Сцена в «Пале де кристаль» особенно показательна в этом отношении. «Убиец» (6, 209) издевается над письмоводителем, презрительно обошедшись с ним в конторе, называет его «добреющим мальчиком» (6, 124) и под конец ошарашивает признанием: «А что, если это я старуху и Лизавету убил?» (6, 128). Автор отмечает, что во время данного разговора герою постоянно хотелось «хочотать» (6, 126), так же как до этого в конторе, так же как сразу после убийства, когда он прятался от Коха и Пестрякова за запертой дверью. Однако чувство злобного превосходства над недалекими квартальными быстро сменяется ощущением глубочайшей безысходности. Его дух был пьян ощущением собственного всесилия, но эйфория быстро сменилась похмельем. После разговора в трактире он стоит на мосту и наблюдает за тем, как городовой спасает пьяную мещанку от самоубийства. Кто-то крикнул про контору и вывел героя из состояния оцепенения. Мысли о суициде, очевидно, уже мелькали

в его воспаленном мозгу, однако воспоминание о возможной явке с повинной становится спасительной соломинкой, за которую он хватается, правда, пока еще только одной рукой: «Какой, однако же, конец! Неужели конец? Скажу я им иль не скажу?» (6, 132). Странный разговор с дворником во дворе старухиного дома происходит именно потому, что «убивец» «уж наверно решил про контору и твердо знал, что сейчас все кончится» (6, 136), однако он боится идти туда сам, поэтому и пытается спровоцировать других отвести его туда. На сей раз явке с повинной мешает смерть Мармеладова, снова сталкивающая героя с полицейскими. Они помогают переносить раздавленного в его квартиру, прогоняют посторонний народ на лестницу, приводят священника. Снова перед нами «добрые» полицейские во главе с Никодимом Фомичом, «пожелавшим распорядиться лично» (6, 145). Позже, сразу после наконец-то произнесенного признания, пока еще не квартальному надзирателю, а Соне, герой снова, уже в последний раз, встретится с городовым. Тот пытается остановить представление полусвихнувшейся Катерины Ивановны, у которой нет надлежащего разрешения, а когда она падает без сил на мостовой, помогает перенести ее в Сонину квартиру. По загадочному стечению обстоятельств среди встреченных героями полицейских нет ни одного «ильи петровича», все они сплошь «никодимы фомичи». Судьба, ведущая героя к явке с повинной извилистыми тропами, словно подсказывает ему, что никуда ему от государственной машины преследования не скрыться, но у нее тоже есть и «сердце», и «совесть». Одной Соне его пьяный чужой кровью дух не излечить, а людям в форме также «ничто человеческое не чуждо», они не меньше, чем простые смертные, способны к искреннему состраданию.

Имя квартального надзирателя вполне соответствует его облику, сложившемуся в сознании Раскольникова: оно образовано от греческих слов *nikē* — победа и *dēmos* — народ.³ В сцене смерти Мармеладова Достоевский делает этого героя участником так называемого «народного хора», судящего убийцу на протяжении всего романа. Выходя из квартиры умершего, Раскольников сталкивается в толпе с Никодимом Фомичом и между ними происходит следующий диалог:

«...Не беспокойте очень бедную женщину (...) Ободрите ее, чем можете (...) Ведь вы добрый человек, я знаю... — прибавил он (Раскольников. — Е. У.) с усмешкой, смотря ему (Никодиму Фомичу. — Е. У.) прямо в глаза.

— А как вы, однако ж, кровью замочились, — заметил Никодим Фомич, разглядев при свете фонаря несколько свежих пятен на жилете Раскольникова.

— Да, замочился... я весь в крови! — проговорил с каким-то особым видом Раскольников...» (6, 145).

³ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 166.

Здесь фактически повторяется разговор Раскольникова с Настасьей после сна об избиении хозяйки В данной ситуации, по выражению М С Альтмана, «язык () оказался мудрее говорящего»⁴ Никодим Фомич, сам того не зная, произносит обличение и выслушивает в ответ признание, пока еще не полное, скрытое, еще только намек на будущее признание главного героя Соне В этой сцене Раскольников говорит о доброте собеседника с усмешкой, потому что сейчас чья бы то ни было доброта невыносима для него

Тем не менее, считая Никодима Фомича за доброго и справедливого человека, именно ему несостоявшийся Наполеон мечтает принести явку с повинной Однако по пути в контору он неожиданно принимает совершенно противоположное решение «Если уж надо выпить эту чашу, то не все ли равно? Чем гаже, тем лучше К Пороху, к Пороху! Пить, так пить все разом » (6, 406) Маловероятно, чтобы за этими словами «кровопроливца» (6, 200) стояло искреннее смиление перед необходимостью повиниться Все обстоит совершенно иначе Имя квартального надзирателя отсылает нас к Евангелию от Иоанна, тому самому, которое читает Раскольникову Соня Там говорится о Никодиме, одном из «начальников иудейских» (Ин 3 2) Он тайно навещает Христа ночью и беседует с ним В завершение беседы Иисус произносит такие слова « всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы были явны дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3 21—22)⁵ Герой не желает чувствовать себя злодеем, не желает признавать собственную неправоту Кроме того, Раскольников не может вынести собственной покорности, он жаждет борьбы даже на краю пропасти, в которую сам себя сталкивает Разговор героев строится по принципу кажущегося несоответствия между репликами говорящих и смыслом, заложенным в них автором, обычная на первый взгляд болтовня приобретает сокровенный смысл Уже самая первая фраза Пороха «ставит диагноз» теории «крови по совести» « а русский дух как это там в сказке забыл!» (6, 406) С этими словами причудливым образом соотносится еще один пассаж поручика «Шляпа есть блин, я ее у Циммермана куплю, но что под шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того уж я не куплю-с!» (6, 407) В начале романа пьяный, увидевший Раскольникова на улице в циммермановской шляпе, обозвал его «немецким шляпником» Увлекшись «наполеоновскими» идеями, пыта-

⁴ Альтман М С Достоевский По всем имам Саратов, 1975 С 231 232

⁵ Еще одна параллель между св Никодимом и Никодимом Фомичом заступаясь за Иисуса перед первосвященниками и фарисеями, св Никодим говорит следующее « судит ли закон наш человека если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» (Ин 7 51) По этому же принципу построены рассуждения квартального надзирателя о виновности Коха и Пестрякова

ясь убить в себе «натуру», Раскольников почти утратил связь с родной почвой, однако довести процесс омертвения собственной души до конца ему не удалось: «русский дух» постоянно напоминает о себе.

Наряду с «диагнозом» в речи Ильи Петровича содержатся и возможные оправдания раскольниковского учения: «Да кто же из литераторов и ученых первоначально не делал оригинальных шагов (...) Вам все эти красоты жизни, можно сказать — nihil est, аскет, монах, отшельник» (6, 407); «...ведь вы, уж конечно, не нигилист! (...) гражданина и человека я всегда ощутить в себе обязан...» (6, 408). Это последнее замечание особенно значимо. В нем — капитальнейший из оправдательных доводов Родиона Раскольникова, с первого удара разрушенный циником Свидригайловым: «...понимаю, какие у вас вопросы в ходу: нравственные, что ли? вопросы гражданина и человека? А вы их побоку; зачем они вам теперь-то?.. Затем, что все еще и гражданин и человек? А коли так, так и соваться не надо было; нечего не за свое дело браться» (6, 373). По словам Б. Н. Тихомирова, в «пустопорожней болтовне поручика Пороха слова о „человеке и гражданине“ выполняют особую художественную функцию (...) „собирая в фокус“ в кульминационном эпизоде явки героя с повинной всю „раскольниковскую ситуацию“».⁶ С этой же целью автор вкладывает в уста Пороха несколько весьма нелицеприятных замечаний о Заметове. Прохаживаясь на его счет, он тем самым утверждает свое собственное мелкое величие, так же как когда-то утверждал его, оскорбляя Раскольникова. Илья Петрович велик только относительно кого-то, стоящего на более низкой социальной ступени, кровавый Наполеон Раскольникова велик только относительно «тварей дрожащих». Их величие не абсолютно, а относительно.

Венчает историю болезни главного героя в изложении поручика Пороха указание на возможное лекарство: «...я вот заболею, ну позову ли я девицу лечить себя?» (6, 408). Раскольников, конечно, не позовет. Нынешний Раскольников — страшный Раскольников, сокровеннейшие мысли которого выбалтывает шут Илья Петрович, превращаясь в его карикатурного двойника. Он, впрочем, был им с самого начала. В этом мелком тиране дают о себе знать черты несостоившегося крупного. За это-то карикатурное сходство и ненавидит его Раскольников, так же как ненавидит Лужина, ненавидит и — боится, так же как боится самого себя. Об этом его сон после возвращения из конторы. Илья Петрович, жестоко избивающий хозяйку, — это сам «убивец» (6, 209), с остерьенением истребляющий в себе все «разумное, доброе, вечное» ради «проклятой мечты» (6, 50). Это «кровь в нем кричит» (6, 92). Именно поэтому Достоевский и сталкивает

⁶ Тихомиров Б. Н. «Лазарь¹ гряди вон» Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 418.

их в финальной сцене: сталкивает героя с собственным уродством, сквозь льстивые речи которого прорываются реплики «народного хора».

Мы рассмотрели образы двух квартальных надзирателей, которых Раскольников встречает в самом начале и в самом конце пути между преступлением и покаянием. Их сюжетная роль заключается в том, что своими сомнениями и подозрениями они запускают процесс преследования истинного убийцы. В роли преследователей герои выступают примерно до середины романа, затем сходят со сцены. Илья Петрович уступает место Порфирию, Никодим Фомич — Соне.

Символическое значение этих персонажей раскрывается через их восприятие Раскольниковым, делающим мучительный выбор, кому именно принести явку с повинной. Квартальный надзиратель с самой сцены в кабинете становится для него воплощением доброты, человечности и справедливости. Первым адресатом своего признания он выбирает именно его, однако, уже идя признаваться, неожиданно меняет решение. Мягкость Никодима Фомича так же невыносима для «убивца», как и мягкость Сони. Раскольников не может просто сдаться на милость правосудия: ему трудно вынести эту милость по отношению к себе. Сам факт своей явки после предложения Порфирия сделать «сбавку» (6, 350) он считает подлостью. «Убиец» не может сдаться без борьбы, поэтому выбирает Илью Петровича, который оказывается искривленным отражением его самого. Раскольников виноват перед людьми и перед Богом, но в не меньшей степени он виноват перед самим собой, поэтому, прежде чем указать герою путь к исцелению, Достоевский дает ему возможность заглянуть самому себе в глаза и увидеть, что он с собой сделал. Таким образом, встреча с поручиком Порохом, на первый взгляд малозначительная, по сути, один из важнейших уроков, полученных Раскольниковым в ходе романа, и предостережение всем, кто захочет последовать его примеру. От большого тирана до маленького — один шаг.